

Научная статья

УДК 343.2/.7

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.11

Садвакасов Артур Русланович

Прокуратура Астраханской области, Астрахань, Россия,

Sadvakasov30@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1338-5508>

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРАКТА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ ОБОРОННОМУ ЗАКАЗУ

Аннотация: В статье автором представлен анализ уголовно-правовых норм об ответственности за нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу. Обращено внимание на проблемные вопросы, требующие научной проработки и затрудняющие эффективную реализацию статей 201.2 и 285.5 УК РФ в правоприменительной деятельности. Сделаны выводы об особенностях конструирования объективной и субъективной сторон отмеченных преступлений, а также об аспектах, препятствующих применению норм, одновременно дополненных институтом административной преюдиции и характеристиками субъекта, связанными с его служебным положением.

Ключевые слова: уголовная ответственность, государственный оборонный заказ, нарушение условий контракта (договора), административная преюдиция.

Для цитирования: Садвакасов А.Р. Уголовная ответственность за нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу / А.Р. Садвакасов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.11 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 144–155.

Original article

Sadvakasov Artur Ruslanovich

Astrakhan Regional Prosecutor's Office, Astrakhan, Russia,

Sadvakasov30@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1338-5508>

CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF THE TERMS OF A GOVERNMENT CONTRACT ON STATE DEFENSE ORDER

Abstract. In the article the author presents an analysis of criminal law provisions on liability for violation of the terms of a government contract on State Defense Order. The attention is draw to problematic issues that require scientific study and hinder the effective application of Articles 201.2 and 285.5 of the Criminal Code of the Russian Federation in practical activities. Conclusions are made about the pe-

cularities of the objective and subjective aspects of offenses, as well as about aspects that impede the application of norms simultaneously supplemented by administrative prejudice and characteristics of the subject related to his official position.

Keywords: criminal liability, State Defense Order, breach of contract (agreement), administrative prejudice.

For citation: Sadvakasov A.R. Criminal Liability for Violation of the Terms of a Government Contract on State Defense Order. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 2, pp. 144–155. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.11

Введение. Российская Федерация с начала XXI века постоянно сталкивалась с проявлениями недружественной, а зачастую и агрессивной политики зарубежных стран, проводимой вопреки национальным интересам нашего государства. Вопросы обеспечения обороны страны и поддержания боеготовности Вооруженных сил с каждым годом приобретали всё большую актуальность, а с началом специальной военной операции и вовсе стали одними из наиболее приоритетных. Очевидно, что способность действующих армии и флота эффективно выполнять поставленные перед ними задачи и, тем самым, гарантировать достижение стратегических приоритетов, напрямую зависит от своевременности и качества их материально-технического обеспечения, а значит, от надлежащего и неукоснительного соблюдения всех предусмотренных условий контрактов и договоров, заключаемых в рамках государственных оборонных заказов. Одним из инструментов по предупреждению потенциально возможных негативных последствий нарушения подобных условий выступило уголовное право. Федеральным законом от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹ отечественный уголовный закон дополнен статьями 201.2 и 285.5 УК РФ.

Несмотря на сравнительно непродолжительный период действия, данные нормы уже стали предметом оживлённой научной дискуссии, выявившей комплекс теоретических и правоприменительных проблем.

Цель настоящей научной статьи – провести комплексный уголовно-правовой анализ норм об уголовной ответственности за нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу, выявить доктринальные противоречия в понимании их юридической природы и предложить научно обоснованные подходы к разрешению спорных вопросов квалификации.

Так, частью 1 статьи 201.2 УК РФ была введена уголовная ответственность за несоблюдение условий государственного контракта по оборонному заказу или договора, заключённого для его реализации, лицом, уже привлекавшимся

---

¹ Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2026).

к административной ответственности по части 6 или 7 статьи 7.30.3 КоАП РФ. Одновременно часть 1 статьи 285.5 УК РФ закрепила уголовно-правовой запрет на тождественное деяние, совершённое должностным лицом, имеющим административную преюдицию по части 5, 6 или 7 той же статьи КоАП РФ. Очевидно, что законодатель, внося указанные изменения в административное и уголовное законодательство, стремился усилить охрану возникающих в этой сфере общественных отношений. Однако с позиций юридической техники, общей теории права и правоприменительной практики данные нововведения спровоцировали ряд дискуссионных проблем, настоятельно требующих доктринального осмысления и предопределяющих актуальность предпринятого исследования.

Проблемы законодательной регламентации и применения статей 201.2 и 285.5 УК РФ в практической деятельности. Обращаясь к вопросам законодательной регламентации и практики применения статей 201.2 и 285.5 УК РФ, полагаем необходимым обратить внимание на их административно-преюдициальный характер, отметив, что практика возведения административных правонарушений в разряд преступных при их повторном совершении вызывает вполне обоснованную научную дискуссию.

Ряд исследователей усматривают в этом внутреннее противоречие, считая, что административное правонарушение и преступление имеют различную юридическую природу, а «превращение» административного деликта в преступление исключительно на основании факта повторности ставит под сомнение принцип справедливости уголовной ответственности.

Так, Н.А. Лопашенко последовательно и ярко критикует институт административной преюдиции. Автор называет возвращение административной преюдиции «законодательными уродствами», нарушающими системность УК РФ², и настаивает на том, что административное правонарушение не может обладать признаком общественной опасности даже в случае его повторного совершения, а преюдиция размывает границы преступного, разрушая тем самым уголовный закон [1, с. 70].

Сторонники противоположной позиции, например, С.А. Лебедева, аргументируют, что административная преюдиция в данном случае выполняет функцию «предупредительного фильтра», позволяющего отграничить малозначительные нарушения от деяний, представляющих реальную общественную опасность [2, с. 99]. При этом сам факт продолжения противоправной деятельности после применения мер административного воздействия свидетельствует об устойчивой антисоциальной установке субъекта.

В свою очередь, Е.Н. Карабанова и К.В. Цепелев [3, с. 58], выступая сторонниками уголовно-правовых норм с административной преюдицией, отмечают их значительную превентивную роль и существенное влияние на экономию мер уголовной репрессии.

---

² В Верховном Суде РФ обсудили недостатки современной уголовной политики [Электронный ресурс] // Сайт. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/administrativnoy-preyuditsii-ne-mesto-v-uk/> (дата обращения: 11.05.2026).

Оставляя за рамками настоящего исследования обозначенную научную дискуссию, которая сама по себе заслуживает самостоятельной фундаментальной проработки, считаем важным обратить внимание на принципиальный аспект: включение административной преюдиции в конструкции уголовно-правовых запретов, адресованных лицам, обладающим специальным статусом (обусловленным замещением определённой должности или выполнением управленческих функций), с неизбежностью повлечёт практические затруднения.

Субъектами составов преступлений, предусмотренных статьями 201.2 и 285.5 УК РФ, выступают должностные лица в понимании главы 30 УК РФ либо лица, выполняющие управленческие функции в головной организации-исполнителе или организации-исполнителе по гособоронзаказу, – именно на них возлагается ответственность за соблюдение условий контракта (договора). Между тем, в процессе текущей деятельности указанные лица могут быть заменены посредством переназначения на должность, переизбрания, перераспределения функциональных обязанностей или иных кадровых решений.

В подобной ситуации складывается юридически парадоксальная картина: конкретное физическое лицо подвергается административному наказанию по соответствующим частям статьи 7.30.3 КоАП РФ, после чего освобождает занимаемую должность, а его место занимает другое лицо, в отношении которого меры административной ответственности не применялись. При повторном нарушении условий того же контракта (договора) по государственному оборонному заказу, допущенном уже при новом руководителе, уголовное преследование последнего по статьям 201.2 и 285.5 УК РФ оказывается невозможным – обязательный признак состава преступления в виде административного наказания у данного гражданина отсутствует.

Таким образом, мы приходим к выводу, что законодательная модель, опирающаяся на административную преюдицию, демонстрирует наибольшую состоятельность в тех случаях, когда личность потенциального правонарушителя остаётся неизменной в силу самой своей физической природы и не может быть замещена иным субъектом. Наиболее показательными примерами здесь служат статьи 116.1 и 264.1 УК РФ, предусматривающие ответственность за повторное противоправное поведение, которое всегда совершается одним и тем же физическим лицом; возможность его замены другим лицом полностью исключена. Именно в таких составах административная преюдиция выполняет возложенную на неё функцию, не создавая искусственных барьеров для правоприменителя.

Указанное позволяет констатировать, что одновременное установление в законе для субъекта преступления обязательных признаков, обусловленных предшествующим фактом его привлечения к административной ответственности и характеристиками служебного положения, не связанными неразрывно с личностью конкретного человека, на наш взгляд, обуславливает появление дополнительных способов ухода от предусмотренной ответственности, а, следовательно, препятствует эффективному правоприменению и реализации задач уголовного судопроизводства, ставя под угрозу охраняемые законом блага и ценности.

Следует также принять во внимание положения Указа Президента РФ от 03 марта 2023 года № 139 «О некоторых вопросах осуществления деятельности хозяйственных обществ, участвующих в выполнении государственного оборонного заказа»³. Согласно данному акту, при неисполнении головными исполнителями и исполнителями гособоронзаказа принятых обязательств права акционеров и властные полномочия органов управления таких обществ приостанавливаются, а по представлению Министерства промышленности и торговли Российской Федерации запускается механизм внешнего управления. Приведённое регулирование, на наш взгляд, фактически лишает смысла уголовно-правовые конструкции с административной преюдицией, направленные на противодействие нарушениям контрактных (договорных) условий в сфере гособоронзаказа. Объясняется это следующим образом. После введения внешней администрации, прежнее руководство утрачивает свои должностные позиции, а дальнейшее исполнение контракта переходит к иному лицу, которое ранее административному наказанию не подвергалось. Тем самым сама возможность повторного несоблюдения договорных условий одним и тем же специальным субъектом исчезает, а административная преюдиция становится неработоспособной.

Составы, построенные с использованием административной преюдиции, как правило, конструируются в качестве преступлений небольшой тяжести, так как нормативной основой для них служит административное правонарушение, не достигающее уровня повышенной общественной опасности. Лишь в отдельных ситуациях, когда повторное административно наказуемое деяние приводит к тяжким последствиям, законодатель отступает от данного подхода. Например, часть 3 статьи 217.3 УК РФ предусматривает наказание до семи лет лишения свободы за нарушение требований к антитеррористической защищённости объектов, допущенное лицом, ранее неоднократно привлекавшимся к административной ответственности за сходные действия, если это повлекло по неосторожности гибель двух или более лиц. На этом фоне обращает на себя внимание санкционный разрыв, характерный для рассматриваемых нами формальных составов. Часть 1 статьи 201.2 и часть 1 статьи 285.5 УК РФ устанавливают наказание в виде лишения свободы на срок от четырёх до восьми лет с дополнительными обременениями (штраф, запрет занимать определенные должности или осуществлять определённую деятельность). Между тем первичное нарушение, зафиксированное в частях 5 и 6 статьи 7.30.3 КоАП РФ, карается административным штрафом в пределах от 30 до 50 тысяч рублей.

Столь резкий разрыв от пятидесятитысячного штрафа к восьми годам лишения свободы, обусловленный исключительно признаком повторности и не сопряжённый с наступлением каких-либо тяжких последствий, по нашему убеждению, нуждается в корректировке и едва ли может быть признан соответствующим с принципом справедливости.

---

³ Указ Президента Российской Федерации от 03.03.2023 № 139 «О некоторых вопросах осуществления деятельности хозяйственных обществ, участвующих в выполнении государственного оборонного заказа» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2026).

Острую научную полемику вызывает и проблема отграничения нарушения условий государственного контракта (ст.ст. 201.2, 285.5 УК РФ) от злоупотребления полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст.ст. 201.1, 285.4 УК РФ). Судебная практика свидетельствует об отсутствии единых подходов к квалификации преступлений, совершаемых в сфере исполнения государственного и муниципального контракта.

Принципиальная разница между этими составами, по нашему мнению, коренится в механизме причинения вреда. Статья 201.1 УК РФ предполагает активное использование виновным своих управленческих полномочий вопреки законным интересам организации. Это всегда волевой акт, направленный на извлечение выгод и преимуществ для себя или других лиц. Обязательным признаком указанного состава преступления выступает наступление последствий в виде существенного вреда.

Статья 201.2 К РФ охватывает более широкий спектр деяний, включая пассивное неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств, которое может и не сопровождаться использованием служебного положения в узком смысле. Ключевое отличие – наличие административной преюдиции.

Ещё один серьёзный пласт проблем связан с разграничением ст. ст. 201.2 и 285.5 УК РФ между собой. Формально критерий их разграничения понятен. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 201.2, выступает лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой организации. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 285.5, выступает должностное лицо. Однако на практике статус руководителя многих предприятий оборонно-промышленного комплекса может быть двойственным. Значительная часть оборонных предприятий функционирует в форме акционерных обществ с государственным участием либо унитарных предприятий. Их руководители выполняют управленческие функции, но одновременно могут признаваться должностными лицами (примечание к ст. 285 УК РФ). В этих случаях выбор между ст. 201.2 и 285.5 УК РФ становится нетривиальной задачей. Данная проблема требует либо законодательного уточнения, либо разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Следующий проблемный вопрос, заслуживающий отдельного внимания, связан с определением формы вины преступлений, предусмотренных статьями 201.2 и 285.5 УК РФ. Законодательная конструкция обеих норм такова, что диспозиции указанных статей не содержат прямых указаний на форму вины, что закономерно породило в научном сообществе оживлённую дискуссию, полярные позиции в которой имеют не только доктринальное, но и колоссальное практическое значение, определяя саму возможность привлечения к уголовной ответственности за неосторожное нарушение договорных обязательств.

Первая позиция, которую условно можно обозначить как «теория исключительно умышленной вины», основана на систематическом и телеологическом толковании уголовного закона. Её приверженцы (Н.А. Егорова, Л.А. Можайская, В.Н. Борков и др.) исходят из того, что рассматриваемые составы сконструированы по типу формальных, где момент окончания преступления

связывается не с наступлением общественно опасных последствий, а с самим фактом нарушения условий контракта лицом, ранее подвергнутым административному наказанию.

Ключевой аргумент сторонников данной позиции состоит в том, что институт административной преюдиции, являющийся неотъемлемым признаком объективной стороны данных составов преступлений, имманентно предполагает осознанный характер действий виновного. Лицо, уже единожды подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние, не может не осознавать противоправный характер своих действий, что полностью исключает возможность совершения преступления по неосторожности. Как разъясняется в учебной литературе, субъективная сторона здесь «характеризуется прямым или косвенным умыслом, а также специальными мотивами преступления»; при совершении деяния «виновный осознаёт, что им нарушаются условия контракта, и желает этого либо безразлично относится к этому обстоятельству. Данный подход был концептуально разработан ещё применительно к смежным составам злоупотреблений (ст. 201.1, 285.4 УК РФ) и закономерно экстраполирован на статьи 201.2 и 285.5 УК РФ как на логическое продолжение законодательной линии по усилению охраны оборонного заказа.

Однако именно это утверждение является центральной точкой напряжения в научной дискуссии, поскольку детальный юридический анализ обнаруживает ряд существенных противоречий.

Представители иного доктринального направления, условно обозначаемого как «критическая школа» (И.О. Ткачев, Н.С. Попов, А.Я. Аснис и др.), обращают внимание на принципиальное упущение законодателя – в диспозициях статей 201.2 и 285.5 УК РФ форма вины действительно не конкретизирована, что, по их мнению, порождает правовую неопределённость. Данный пробел имеет далеко идущие последствия, позволяя правоприменителю расширительно толковать границы уголовной ответственности. Так, П.С. Яни утверждает, что нарушение условий контракта или договора, заключённого в рамках государственного оборонного заказа, следует рассматривать как «неисполнение обязанностей, непринятие мер по обеспечению их исполнения», что позволяет отнести указанные деяния к «разновидности коммерческой халатности, определив вину как неосторожную» [4, с. 14].

Представляется, что подлинное разрешение дискуссии лежит не в плоскости однозначного выбора одной из концепций, а в выработке дифференцированного подхода, основанного на принципах вины и справедливости.

Вместе с тем, следует признать, что сама конструкция составов этих преступлений, требующая административной преюдиции как обязательного условия уголовной ответственности, действительно с высокой степенью вероятности предполагает осознанный характер повторного нарушения. В этом смысле презюмировать неосторожность в действиях такого субъекта было бы, по меньшей мере, непоследовательно. Вместе с тем было бы ошибочным полностью исключать возможность совершения рассматриваемых преступлений с косвенным

умыслом: практическая ситуация, когда руководитель, формально ознакомленный с требованиями законодательства о целевом расходовании средств, сознательно допускает их нецелевое использование, не желая срывать оборонного заказа, но безразлично относясь к такой возможности, полностью укладывается в законодательное определение косвенного умысла (ч. 3 ст. 25 УК РФ).

Более того, именно эта модель поведения зачастую и усматривается правоприменителем в действиях виновных.

В качестве итога проведённого анализа представляется возможным сформулировать следующие выводы. Несмотря на то, что законодательная дефиниция формы вины в составах, предусмотренных статьями 201.2 и 285.5 УК РФ, действительно отсутствует, совокупное толкование объективных признаков этих преступлений – и прежде всего института административной преюдиции, даёт убедительные основания рассматривать их как умышленные. И прямой, и косвенный умысел юридически возможны, тогда как неосторожное совершение данных деяний обоснованно исключается из сферы уголовно-правового регулирования, оставаясь в плоскости административной ответственности.

Вместе с тем для окончательного устранения правовой неопределённости целесообразно рассмотреть вопрос о дополнении диспозиций анализируемых статей прямым указанием на умышленную форму вины, что позволило бы снять существующие доктринальные противоречия и гарантировать реализацию принципа субъективного вменения в правоприменительной практике.

Формирование судебной практики по статьям 201.2 и 285.5 УК РФ объективно находится на начальном этапе, что обусловлено непродолжительным периодом действия данных уголовно-правовых запретов. Кроме того, значительная часть уголовных дел, связанных с исполнением гособоронзаказа, так или иначе содержит сведения, составляющие государственную тайну. В связи с этим судебные заседания проходят в закрытом режиме, а сами тексты приговоров не публикуются в открытых источниках, таких как ГАС «Правосудие». Вместе с тем к настоящему времени уже имеются первые обвинительные приговоры, свидетельствующие о начале реализации указанных норм.

В частности, в 2025 году судом вынесен приговор по ч. 2 ст. 201.2 УК РФ в отношении бывшего генерального директора ООО «Ваккор», который, получив в качестве аванса по государственному оборонному контракту более 123 млн рублей, не направил их на строительство объекта для нужд Министерства обороны, а растратил средства, что повлекло срыв исполнения задания и причинение ущерба в особо крупном размере; виновному назначено наказание в виде четырёх лет лишения свободы⁴.

Кроме того, согласно данным анализа правоприменительной деятельности, за первые восемь месяцев 2025 года в суды направлено 43 уголовных дела, связанных со сферой государственного оборонного заказа, из которых

---

⁴ Пресс-релиз Главного военного следственного управления СК России [Электронный ресурс] // Сайт. URL: <https://www.gvsu.gov.ru/news/k-lisheniyyu-svobody-prigovoren-byvshiy-direktor-ooo-vakkor-aleksandr-bozhok/> (дата обращения: 11.05.2026).

28 непосредственно касаются срыва установленных заданий. Для сравнения, за весь 2024 год в суд передали 34 дела, в 2023 году – 36, в 2022 году – 32⁵.

Приведённые показатели, с одной стороны, подтверждают высокую интенсивность надзорно-следственной активности в сфере уголовно-правовой охраны государственного оборонного заказа, а с другой – демонстрируют постепенное накопление эмпирического материала, необходимого для выработки единообразных подходов к квалификации деяний, предусмотренных статьями 201.2 и 285.5 УК РФ, и разграничению их со смежными составами.

Приведённые эмпирические данные, свидетельствующие о начавшемся процессе накопления правоприменительного опыта, с неизбежностью актуализируют потребность в углубленном доктринальном осмыслении законодательных конструкций, закреплённых в статьях 201.2 и 285.5 УК РФ.

Наличие первых обвинительных приговоров не снимает, а, напротив, обостряет теоретико-правовые вопросы, связанные с толкованием бланкетных признаков, установлением содержания объективной стороны и разграничением смежных составов.

Помимо этого, автором проанализированы судебные решения на жалобы участников административного производства о несогласии с привлечением к ответственности по корреспондирующим статьям 14.55 и 7.30.3 КоАП РФ.

К примеру, в решении Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2025 года отмечено, что доводы жалобы об отсутствии в деянии должностного лица состава правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 14.55 КоАП РФ, с указанием на то, что обязательства по заключённому в целях исполнения государственного оборонного заказа договору не были выполнены в полном объёме в установленный в нём срок по вине поставщика, который не мог произвести поставку комплектующих изделий в срок ввиду санкций недружественных государств, были предметом проверки на предыдущих стадиях производства по делу и отклонены как не исключающие виновность указанного лица в совершении вменённого противоправного деяния⁶.

Установлено, что доводы привлекаемых к ответственности лиц о невозможности исполнения условий контракта либо договора ввиду допущенной волокиты со стороны контрагентов, проблем с логистикой или трудовыми ресурсами, отсутствия на рынке нужных для исполнения товаров либо денежных средств у должника, а также по причине иных обстоятельств, не относящихся к обстоятельствам непреодолимой силы, обоснованно отклоняются судами со ссылками на статью 309 и пункт 3 статьи 401 ГК РФ, которыми определено, что обязательства должны исполняться надлежащим образом за исключением случаев, когда нарушение условий договора либо контракта было допущено вследствие чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств.

⁵ В суды РФ поступило рекордное количество уголовных дел, связанных с оборонзаказом [Электронный ресурс] // Сайт. URL: <https://kursktv.ru/66057> (дата обращения: 11.05.2026).

⁶ Постановление Верховного Суда РФ от 19.06.2025 по делу № 41-АД25-К4 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2026).

С учётом этого, полагаем необходимым дополнить диспозиции статей 201.2 и 285.5 УК РФ либо примечания к ним указанием на недопустимость привлечения к ответственности лица при установлении факта нарушения условий по государственному контракту (договору) по гособоронзаказу вследствие обстоятельств непреодолимой силы, поскольку глава 8 УК РФ не предусматривает подобных оснований в числе исключаящих преступность деяния.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд итоговых положений, обладающих как теоретической значимостью, так и практической направленностью.

1. Неустраняемая коллизия административной преюдиции со специальным субъектом. Использование административной преюдиции в конструкциях статей 201.2 и 285.5 УК РФ входит в фундаментальное противоречие с правовой природой субъектов, ответственных за соблюдение условий государственного оборонного заказа. Должностные лица и лица, выполняющие управленческие функции в головных организациях-исполнителях, в процессе текущей деятельности заменяются путём переназначения, переизбрания, кадровой ротации либо введения внешнего управления на основании Указа Президента РФ от 03 марта 2023 г. № 139 и полностью обнуляют административную наказанность, делая уголовное преследование нового руководителя юридически невозможным. Преюдициальная модель, рассчитанная на неотделимость личности правонарушителя от его физического статуса (как, например, в статьях 116.1 и 264.1 УК РФ), оказывается юридически несостоятельной в корпоративной и административной среде оборонно-промышленного комплекса, где смена руководящего состава – ординарное явление. Тем самым потенциал уголовно-правовых запретов, призванных защищать сферу государственного оборонного заказа, блокируется не недостатками правоприменения, а внутренними дефектами самой законодательной конструкции.

2. Санкционный дисбаланс и отступление от принципа справедливости. Действующая модель порождает резкий, ничем не оправданный перепад в мерах государственного принуждения: административное наказание за первое нарушение ограничивается штрафом в размере от 30 до 50 тысяч рублей (ч. 5, 6 ст. 7.30.3 КоАП РФ), тогда как повторное деяние, не сопряжённое с тяжкими последствиями, влечёт лишение свободы на срок от четырёх до восьми лет. Подобный разрыв между административной и уголовной санкциями, мотивированный исключительно признаком повторности при формальном составе, не может быть признан соответствующим принципу справедливости (ст. 6 УК РФ).

3. Фактическое «отмирание» специальных норм на практике. Опыт работы автора в органах прокуратуры, в том числе изучение уголовных дел, свидетельствует о том, что в 70% случаев органы расследования предпочитают квалифицировать деяния в сфере государственного оборонного заказа как мошенничество (ст. 159 УК РФ). Составы с административной преюдицией остаются периферийными, что объясняется не только сложностью доказывания преюдициального элемента, но и объективной невозможностью его накопления

для постоянно сменяющихся субъектов. Указ Президента № 139, вводящий внешнее управление, дополнительно сокращает и без того узкое «окно» для применения ст. 201.2 и 285.5 УК РФ, так как приостановление полномочий органов управления юридического лица фактически аннулирует фигуру ранее наказанного субъекта.

4. Для восстановления баланса между охранительной функцией уголовного закона и принципом справедливости предлагается:

- дополнить диспозиции ст. 201.2 и 285.5 УК РФ материальным критерием (причинение крупного ущерба или невыполнение задания государственного оборонного заказа), исключив тем самым формальный характер составов;

- рассмотреть возможность перехода к трёхэлементной модели: первое нарушение – административная ответственность; второе – повышенный административный штраф или дисквалификация; третье, сопряжённое с тяжкими последствиями или крупным ущербом, – уголовная ответственность. Это позволило бы сохранить предупредительный потенциал преюдиции, устранив существующий санкционный перекос;

- выработать на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ единообразные критерии разграничения ст. 201.2, 285.5 УК РФ со смежными составами, а также определить минимальный размер ущерба, необходимый для констатации существенности нарушения.

Список источников

1. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Н.А. Лопашенко // Вестник академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2011. – № 3 (23). – С. 64–71.

2. Лебедева С.А. Некоторые проблемы выявления и предупреждения уголовно-правовых нарушений при выполнении государственных заказов (на примере статей 201.1 и 201.2 Уголовного кодекса РФ) / С.А. Лебедева // Современное право. – 2025. – № 12. – С. 98–102.

3. Карабанова Е.Н., Цепелев К.В. К вопросу о перспективе использования административной преюдиции в уголовном праве России / Е.Н. Карабанова, К.В. Цепелев // Российская юстиция. – 2020. – № 11. – С. 57–60.

4. Яни П.С. Проблемы квалификации преступлений в сфере гособоронзаказа / П.С. Яни // Законность. – 2023. – № 9. – С. 44–49. – № 10. – С. 11–15.

References

1. Lopashenko N.A. There Is No Administrative Prejudice in Criminal Law! *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*, 2011, no.3 (23), pp. 64–71. (In Russian).

2. Lebedeva S.A. Some Problems of Identifying and Preventing Criminal Violations in the Execution of Government Contracts (Using Articles 201.1 and 201.2 of the Criminal Code of Russian Federation as an Example). *Modern Law*, 2025, no. 12, pp. 98–102. (In Russian).

3. Karabanova E.N., Tsepelev K.V. On the Issue of the Prospects of Using Administrative Prejudice in the Criminal Law of Russia. *Russian Justice*, 2020, no. 11, pp. 57–60. (In Russian).

4. Yani P.S. Problems of Crimes Qualification in the Sphere of State Defense Order. *Legality*, 2023, no. 9, pp. 44–49. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Садвакасов Артур Русланович – ***Sadvakasov Artur Ruslanovich*** – ***Prosecutor's Office of the Astrakhan Region, Deputy Prosecutor of the Trusovsky District of the Astrakhan Region***

Статья поступила в редакцию 17.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 19.05.2026 г.; принята к публикации 20.05.2026 г.

The article was submitted 17.03.2026; approved after reviewing 19.05.2026; accepted for publication 20.05.2026.